

ИСКАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА РАССКАЗА
ДАНИИЛА ХАРМСА «О ЯВЛЕНИЯХ И СУЩЕСТВОВАНИЯХ № 2»

Творчество Даниила Хармса представляет особый интерес как объект литературоведческих и лингвистических исследований. Под влиянием поэтики абсурда и футуризма этот автор создал множество необычных по структуре и по содержанию произведений, являющих собой целые системы идей, образов и пространств. Большая часть данных произведений была опубликована сравнительно недавно, ближе к концу XX века, поэтому на сегодняшний день личность Даниила Хармса, его творческая деятельность и литературное наследие активно изучаются. Тексты Хармса уже исследовались при помощи патографического анализа [2, 7], с точки зрения реализации принципов поэтики абсурда [1] и выражения авторского «я» [3, 6], на предмет организации хронотопа [5] и сюжетной композиции [4]. Особое внимание исследователи уделяли конкретным произведениям, в частности, повести «Старуха» и рассказам-миниатюрам из цикла «Случай». В то же время, некоторые произведения до сих пор не были подробно изучены, как, например, рассказ «О явлениях и существованиях № 2», выбранный нами в качестве объекта исследования. Для изучения текста данного рассказа на предмет выявления авторских способов создания пространственно-временной организации произведения мы применили метод лингвистического анализа и таким образом рассмотрели данное произведение в новом аспекте.

В качестве источника произведения мы выбрали текст, приведенный в сборнике «Ванна Архимеда» 1991 года выпуска. Выбор данного издания обусловлен тем, что в более новых публикациях часто встречаются оригинальные авторские тексты с сохраненными грамматическими ошибками, а исследование конкретных орфографических и синтаксических особенностей текста не входит в перечень поставленных нами задач.

Рассматриваемое нами произведение представляет собой классический пример абсурдистской миниатюры Даниила Хармса. В основе сюжета лежит так называемое «событие» – происшествие, лишенное формальных пространственно-временных категорий [8] и происходящее с условными персонажами. Форма подачи текстового материала определяет читателя и автора как экспериментаторов, наблюдающих за процессом поглощения объектом эксперимента, Николаем Ивановичем, жидкости спиртуоза. Основная идея в рассказе выражена при помощи «несуществующего» хронотопа, модель которого базируется на категориях отсутствия и наличия субъектов и объектов, реализуется в процессе сюжетного перехода от существования к исчезновению. При этом окончательный вывод, или финал рассказа, возвращает экспериментаторов к началу опыта, аннулируя все результаты и приводя к логическому несоответствию, к «явному тупику».

Следуя поставленным задачам, мы проанализировали текст выбранного произведения на предмет выявления маркеров художественного пространства и художественного времени, а также маркеров номинаций, речесубъектной организации текста, парадигматической и синтагматической организации текста. На основании полученных данных мы выяснили, что основой рассказа фактически является хронотоп, причем хронотоп «несуществующий», абстрактный. Для того чтобы выстроить подобную модель хронотопа, мы, прежде всего, проанализировали формальную пространственно-временную организацию текста.

В первую очередь, мы выделили пространство эксперимента (гипотетическое), представленное как точечное, абстрактное и отдаленное пространство, которому

соответствует событийное время, представленное как линейное однонаправленное бесконечное. Указанное гипотетическое пространство в данном случае можно разделить на две составляющие: 1) подпространство наблюдаемое, или условно реальное (вот бутылка; вот из бутылки поднимаются пары; [Николай Иванович] щурится; ему приятно; выпил и т.д.); 2) подпространство отрицательное, или несуществующее, которое создается с помощью пространственных маркеров (даже воздуха нет; нет даже безвоздушного пространства; вообще кругом нет ничего; отсутствие всякого присутствия; Николай Иванович не существовал и не существует и т.д.) и парадигматической организации текста (это повторы ключевых слов «отсутствия» (ничего нет, не существует), а также тематические поля, включающие несуществующие объекты и явления: условно объектное (бутылка, комод, что-нибудь такое) и поле физических явлений и жидкостей (водка, спиртуоз, спиртуозные пары, воздуха (нет), (нет) мирового эфира)). Оба указанных подпространства противопоставлены друг другу по принципу «реальное конкретное – воображаемое абстрактное», но в то же время тесно связаны друг с другом, поскольку подпространство несуществующее является «отрицательной проекцией» подпространства наблюдаемого.

Особо значимым представляется вопрос первичности и вторичности указанных подпространств. В начале произведения исходным является реальное подпространство, однако в конце автор и читатели приходят к выводу, что изначально существовало только пространство отрицательное и, следовательно, пространства реального не было и нет вообще. В подобных обстоятельствах существование пространства в целом, то есть гипотетического пространства эксперимента, начинает восприниматься как парадокс. Дополняя такое «нестабильное» пространство событийным – линейным однонаправленным – временем (вот бутылка; вот Николай Иванович; берет; подносит; выпил; ничего не было и т. д.), автор создает сложную абсурдную ситуацию, которая определяет сюжет и основную мысль произведения. Пространство эксперимента и его время искажаются настолько, что исчезают и продолжают существовать одновременно.

Предложенная нами модель хронотопа также включает в себя пространство экспериментаторов (отчасти условное, психологическое, абстрактное), которое позволяет создать связь между автором и читателем. Однако для этого вида пространства в рассказе нет маркеров; мы можем судить о его наличии благодаря особым «объединяющим» номинациям (мы, мы сами, вы, нам, нас) и речесубъектной организации текста (поглядите; обратите внимание; а теперь мы должны сказать; вы спросите; что же это мы говорим?; мы и сами не знаем и т.д.). В данном случае автор ведет с читателем своеобразный диалог, вовлекая читателя в процесс рефлексии и делая соучастником умозаключения. При этом анализ синтагматической организации текста (особенно выявление таких приемов, как парцелляция (А раз ни внутри, ни снаружи ничего не существует, то, значит, и бутылки не существует. Так ведь?), градация (ничего не было, ничего не существовало), анафора (вот..., поглядите..., вот ловко!), использование канцеляризмов (полное отсутствие всякого существования)) позволяет говорить об организации автором интерактивного взаимодействия с читателем. Этой же цели служит перцептивное время, соответствующее пространству экспериментаторов (только что был, а вдруг его и нет; видно, ему приятно; хотите верьте, хотите не верьте; теперь пришло время сказать; вообразить невозможно; плевать и т.д.). В совокупности они образуют пространственно-временную «зону», не имеющую четких границ. Ключевым компонентом этой «зоны», как и всего хронотопа произведения, является конкретный отрезок перцептивного времени – фрагмент текста, в котором автор изменяет начальные условия эксперимента. Здесь речь идет о том, что эксперимент с самого начала не имел никакого смысла, поскольку не только пространство эксперимента, но и сам подопытный на самом деле не существуют. Таким образом, автор искажает ось событийного времени, разрушает гипотетическое пространство, и, оставляя открытый финал, предлагает читателю осмыслить

идею «отрицательного» хронотопа. «Отрицательный» хронотоп, вероятнее всего, выражает авторскую позицию относительно философской проблемы реальности – нереальности всего сущего, соотношения категорий существования и отсутствия. Подобная пространственно-временная организация произведения также позволяет показать бессмысленность и абсурдность хронотопа как такового, его недоступность для понимания автором и читателями. Принимая во внимание данное положение, можно интерпретировать рассматриваемый нами текст как разновидность интертекста. В этом случае выбор тематики произведения предположительно обуславливается соответствующей социальной обстановкой: рассказ датируется 1934 годом; в это время активно развивается наука, особенно – физика, в области которой проводятся исследования пространственно-временных отношений во Вселенной (например, Специальная теория относительности (1905 год) и открытие нейтронов (1932 год)).

Итак, применив лингвистический анализ текста, мы построили определенную модель хронотопа, на основе которой могут быть разработаны модели пространственно-временной организации других рассказов Даниила Хармса. Таким образом, представляется возможным использовать результаты настоящего исследования в качестве дополнительных материалов для более подробного и многоаспектного изучения творческой деятельности и произведений писателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барковская Н.В. "Сказочки" Ф. Сологуба и "Случаи" Д. Хармса // "Странная" поэзия и "странная" проза [Текст]: филолог. сб., посвящ. 100-лет. со дня рождения Н.А. Заболоцкого. – М.: Пятая страна, 2003. – № 3. – С. 218–230.
2. Бологов П. Даниил Хармс. Опыт патографического анализа // Научный центр психического здоровья [Официальный сайт]. URL: <http://www.psychiatry.ru/stat/129> (дата обращения: 16.09.2016).
3. Герасимова А.Д. Хармс как сочинитель // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 16. – С. 129–139.
4. Горбушин С., Обухов Е. О композиции "Случаев" Даниила Хармса // Вопросы литературы. – 2013. – № 1. – С. 425–434.
5. Масленкова Н.А. Пространственно-временная организация повести Д. Хармса "Старуха" [Электронный ресурс] // Вестник СамГУ, Литературоведение. – 1999. – № 1. URL: <http://www.d-harms.ru/library/prostranstvenno-vremennaya-organizatsiya-povesti-harmsa-staruha.html> (дата обращения: 16.09.2016).
6. Саблина Е.Е. Образ автора в творчестве Д. Хармса // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2009. – № 2. – Ч. 1. – С. 104–106.
7. Шувалов А.В. Патографический очерк о Данииле Хармсе // Независимый психиатрический журнал. – 1996. – № 2. – С. 74–78.
8. Ямпольский М.Б. Беспамятство как исток (Читая Хармса). – М.: Новое литературное обозрение, 1998. URL: <http://www.lib.ru/CULTURE/YAMPOLSKIJ/harms.txt> (дата обращения: 16.09.2016).

УДК 821.111-1

А.С. Макарова, В.Н. Варламова
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

МИФОЛОГЕМА ОСТРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА)

Работа посвящена исследованию особенностей мифологемы острова в художественном тексте на материале английской литературы XX века. Анализ использования мифологемы острова позволяет декодировать интенции автора при создании литературного произведения и понять его глубинные содержательные стороны.